

А. Ю. Сиим (Москвитина)

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ КОЛЛЕКЦИИ В МУЗЕЙНЫХ РЕФОРМАХ ФРАНЦИИ НАЧАЛА XXI В.: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ, ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ФАКТОРЫ¹

С начала периода колониализма до наших дней отношение европейцев к этнографическим предметам не раз кардинально пересматривалось. Изменение статуса этих вещей — от «курьезов» и колониальных трофеев до объектов материальной культуры и произведений искусства — влияло на подход к ним в контексте музеев и частных собраний, где они обычно сосредоточивались, приводило к росту их рыночной и символической ценности. За наиболее узнаваемыми и публикуемыми экземплярами закреплялись привязки по происхождению из определенного музея либо личной коллекции: фетиш из Берлинского Музея народоведения, маска из Тервюренского музея, фигурка из собрания Пикассо или Хелены Рубинштейн и т.д.

Переосмысление инокультурных образов наиболее ярко и противоречиво проявилось в процессе реорганизации музеев Франции в конце XX — начале XXI в., спровоцированном именно определением места богатейших этнографических коллекций в культурном наследии страны. Ставшие возможными в силу как объективной необходимости, так и совпадения интересов находившегося тогда у власти президента Жака Ширака и его окружения, реформы вызвали неоднозначную реакцию у многих этнографов, антропологов и музееведов, деятелей культуры, а также консервативной части публики. Камнем преткновения стал революционный характер изменений посредством отнюдь не реконструкции уже имевшихся музеев с давней историей и сложившимися традициями, а их полного расформирования ради создания новых крупномасштабных музейных комплексов.

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научно-исследовательского проекта № 13-06-00794 «Сегрегация и капсуляция как механизмы формирования кастоподобных этносоциальных общностей».

Один из крупнейших в мире новый этнографический музей Musée Quai Branly (Musée des Arts Premiers) в Париже — проект, курировавшийся лично президентом Франции Жаком Шираком. По своему замыслу он продолжает традицию французских президентов оставлять в память о своем правлении принципиально новый культурный объект (Музей Помпиду или Библиотека Миттерана). Задуманный еще при Шираке как следующий после Бранли этап музейной реформы Музей цивилизаций Европы и Средиземноморья в Марселе строился уже в период правления Никола Саркози и многими воспринимался как его вклад в культурную политику, тем более что он изначально разрабатывал политику превращения Франции в лидера содружества средиземноморских государств.

Музей Бранли (Musée des Arts Premiers), возведенный на незастроенном участке набережной Бранли на левом берегу Сены недалеко от Эйфелевой башни по проекту выигравшего конкурс на строительство здания знаменитого архитектора Жана Нувеля, был торжественно открыт в июне 2006 г. На церемонии присутствовал основатель французской школы структурной антропологии Клод Леви-Строс, тогда уже «ровесник века»; в честь него был назван один из парадных залов для проведения мероприятий — Театр Леви-Строса. Новый музей вместил в себя лучшие образцы этнографического искусства из коллекций Музея Человека во дворце Шайо (основанного в 1937 г. как часть Национального музея естественной истории и унаследовавшего коллекции Музея этнографии Трокадеро) и Национального музея искусств Африки и Океании во дворце Порт Доре (Музей колоний в 1931–1935 гг., с 1935 г. — Музей заморских владений Франции, с 1961 г. — Музей африканских и океанийских искусств, с 1990 г. до закрытия в 2003 г. — Музей искусств Африки и Океании). Часть коллекций Музея человека перешла в новый Музей цивилизаций Европы и Средиземноморья в Марселе (открыт в 2013 г.), во дворце Порт Доре в 2007 г. начал работать Музей иммиграции. Музей человека в настоящее время закрыт на ремонт до 2015 г.

В момент моего приезда в Париж на музеологическую стажировку по гранту Министерства культуры Франции осенью 2007 г. прошел год после открытия Музея Бранли, но ситуация с этнографическими музеями продолжала развиваться. Огромный контраст

во всех отношениях являли собой Музей Бранли и Музей человека. В первом динамичная обстановка, чувство причастности к грандиозному проекту, творческая атмосфера новых начинаний, обсуждение и немедленное приведение в дело перспективных научных, выставочных и издательских проектов, идеальные условия — все это способствовало победному и уверенному стремлению в будущее. Во втором — на первый взгляд, видимость опустошения после демонтажа постоянной экспозиции и расформирования фондов, чувство тяжелой утраты и неопределенности в будущем среди сотрудников, остро нуждающиеся в ремонте внутренние помещения здания. Однако критическое осмысление ситуации и протестные настроения привели к подъему интереса к концептуальной стороне дела, истории этнографического музееведения в целом.

Накануне моего приезда Национальный центр социальных исследований провел двухдневный семинар «Музеи этнологии и этнологические практики сегодня», где были заявлены ведущие антропологи и музеологи Франции (в том числе главный хранитель Музея человека и заместитель директора по науке Музея Бранли) и их зарубежные коллеги. Доклады были посвящены вопросу о статусе этнографических шедевров и способах их экспонирования и все до одного затрагивали тему недавней музейной реформы. По мнению некоторых коллег, мероприятию был изначально придан маргинальный статус хотя бы в силу того, что для его проведения выбрали место на окраине Парижа, в результате чего часть докладчиков не смогла присутствовать.

Событиям во французской музейной жизни посвящен и ряд монографий, написанных крупнейшими этнографами и музеологами нашего времени. Назовем основные.

— «Скандал первозданных искусств: истинная история Музея набережной Бранли» («Le scandale des arts premiers: la véritable histoire du musée du quai Branly») Бернара Дюпеня, востоковеда-этнографа, ведущего в стране специалиста по Афганистану, Монголии и Камбодже, члена Академии заморских территорий Франции (2006);

— «Вкус Других: от колониальной экспозиции к первозданным искусствам» («Le gout des Autres. De l'exposition colonial aux

arts premiers») Бенуа де Л'Этуаль, антрополога-африканиста, занимающегося колониальными обществами, руководителя научных программ в Национальном центре социальных исследований (2007);

— «Музей Бранли: иллюзионистский фокус?» («Quai Branly: un miroir aux alouettes?») Андре Девалле, знаменитого музеолога, автора музееведческих энциклопедий, почетного хранителя национального достояния Франции (2008);

— «Париж примитивный: музей Жака Ширака на набережной Бранли» («Paris Primitive: Jacques Chirac's Museum on the Quay Branly») (2007) американского ученого-американиста Салли Прайс.

Издание этих книг стало значительной моральной поддержкой для противников музейной реформы. В Музее человека мне также передали фрагменты еще неопубликованной тогда монографии А. Девалле. Эти книги оказались востребованы читательской аудиторией и переиздавались, работа С. Прайс была переведена на французский язык. В каждой из них уделяется внимание концептуальным и политическим аспектам проблемы. Б. де Л'Этуаль интерпретирует ситуацию наиболее академически нейтрально, в то время как у остальных авторов заметны эмоциональные оценки. Тем не менее все эти работы представляют собой серьезные исследования по истории науки и подводят итог более чем вековой эпохи существования этнографических музеев. Конечно, реакция читателей была бессильна изменить саму ситуацию, созданную появлением Музея Бранли, но имела в качестве результата многостороннее научно-теоретическое осмысление произошедшего. Тем не менее данные книги в силу своей критической направленности не представлены в книжном магазине самого Музея Бранли, одном из лучших в Париже по богатству подбора альбомных и научных изданий по этнографии и этнографическому музееведению.

Французская музейная реформа вызвала резонанс среди антропологов и музейщиков практически во всех странах, имеющих развитые традиции этнографического экспонирования. При этом повсеместно наблюдалось разделение на сторонников и противников нововведений. Например, в конце 2007 г. во время моего

пребывания в Бразилии на факультете антропологии и в Центре востоковедения и африканистики (Centro de Estudos Afro-Orientais) Федерального университета штата Баия (UFBA) в г. Салвадор коллеги (востоковеды, африканисты и антропологи) обсуждали впечатления от Музея Бранли, спрашивали о новостях. Книги Б. Дюпена и Б. де Л'Этуаль находились прямо «под рукой» на одном из рабочих столов. Это отчасти было обусловлено и тем, что бразильским антропологам хорошо известен (лично и по работам) Б. де Л'Этуаль как авторитетный специалист по колониальным обществам и афробразильской тематике. Он издавал свои книги в Бразилии по-португальски, и его мнение по данному вопросу являлось определяющим.

Идея «arts premiers» получила колоссальный отклик в культурной жизни Франции, стала отправной точкой для развития новых подходов презентации всего того, что связано с неевропейским искусством. Например, вскоре после инаугурации Музея Бранли в Париже открылась выставочная площадка с названием-двойником «Musée des arts derniers» (игра слов «Музей *последних* искусств»). Так называется известная частная галерея в квартале Маре, расположенная в значительном отдалении от основного места скопления музеев-бутиков в квартале антикваров Сен-Жермен. Владелец «Музея последних искусств», арт-дилер, художник и скульптор Оливье Султан специализируется на современном африканском искусстве, регулярно организует тематические выставки и публикует их каталоги. Задача его проекта — расширение стереотипов, закрепившихся за понятием «африканское искусство» (ритуальная скульптура и маски). Это вещи, так или иначе состоявшие как события и явления в искусстве, получили признание и известность и стали востребованы коллекционерами. Там есть и серии художественных фоторабот, и экспериментальные инсталляции, и скульптуры по мотивам причисляемых к «археологии» каменных изваяний народа шона (Зимбабве).

Конечно же, выразительный дизайн, характерный для экспозиционных пространств Музея Бранли, несмотря на многочисленные обвинения в «коммерческом китче», стал задавать тон и оказывать влияние на стиль оформления концептуальных выставок с участием предметов этнографического искусства во многих музеях Европы и Нового Света.